

Бирюкова Юлия Александровна

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ РОСТОВСКОГО ДУХОВЕНСТВА АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920-1921 ГГ.©

В статье исследуется тема противодействия православных верующих антицерковной политике советской власти. На примере Донского региона 1920-1921 годов показаны формы сопротивления, не выходящего за рамки правовой сферы, без открытого вступления в конфликт, т.е. через апелляцию к советскому законодательству, через требование точно соблюдать декларированные им права верующих и диалог с органами власти на местах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 37-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Олейников Д. М., Фролов С. А. Роль комсомола в развитии аграрного производства Тамбовской области (1948-1953 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 120-122.
6. Резолюция и документы XI съезда ВЛКСМ. М., 1950.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.): в 6-ти т. М., 1968. Т. 3. С. 341-342.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 2.
9. Там же. Оп. 5.
10. Слезин А. А. Институализация комсомола как государственного органа: теоретическая основа // Политика и общество. 2008. № 4. С. 69-71.
11. Слезин А. А. Огосударствление комсомола: неоднозначность последствий // Юридический мир. 2006. № 9. С. 75-78.
12. Слезин А. А. Элитизация комсомола: второй этап // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2009. Т. 15. № 1. С. 249-255.
13. Слезин А. А., Беляев А. А. Коммунистическое «министерство молодежи» в духовной сфере жизни послевоенного советского общества // Политика и общество. 2009. № 12. С. 30-35.
14. Слезин А. А., Беляев А. А. Школьные комсомольские организации в условиях послевоенного развития (1945-1954 гг.) // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2010. № 3 (5). С. 19-29.
15. Тамбовский комсомол: грани истории. 1946-1991: монография / А. А. Слезин, В. Е. Бредихин, О. А. Бурахина, И. В. Двухжилова и др.; науч. ред. А. А. Слезин. Тамбов: Юлис, 2010. 384 с.

KOMSOMOL ROLE IN LABOR RESERVES EDUCATIONAL INSTITUTIONS SYSTEM DEVELOPMENT DURING THE FIRST YEARS AFTER GREAT PATRIOTIC WAR

Artem Aleksandrovich Belyaev, Ph. D. in History
Anatolii Anatol'evich Slezin, Doctor in History, Professor
Department of History and Philosophy
Tambov State Technical University
slezins@mail.ru

The authors analyze post-war Komsomol influence on labor reserves educational institutions system development by the materials of Tambov region. Estimating Komsomol work in vocational and railway schools and in factory-and-workshop schools in whole the authors come to the conclusion that it was difficult for Komsomol to improve educational process in labor reserves system. At the same time more and more teenagers broke out of criminal environment and got professional skills thanks to Komsomol activity. Vocational and railway schools and factory-and-workshop schools became the constant source of professional personnel for enterprises.

Key words and phrases: Komsomol; youth; factory-and-workshop schools; vocational schools; railway schools.

УДК 94(470.6)«192»

В статье исследуется тема противодействия православных верующих антицерковной политике советской власти. На примере Донского региона 1920-1921 годов показаны формы сопротивления, не выходящего за рамки правовой сферы, без открытого вступления в конфликт, т.е. через апелляцию к советскому законодательству, через требование точно соблюдать декларированные им права верующих и диалог с органами власти на местах.

Ключевые слова и фразы: Русская Православная Церковь; формы сопротивления; протест; правовое сопротивление; советская антицерковная политика; духовенство; диалог с властью; государственно-церковные отношения; П. В. Верховский.

Юлия Александровна Бирюкова

Кафедра отечественной истории

Педагогический институт Южного федерального университета

yliya-biryukova@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ РОСТОВСКОГО ДУХОВЕНСТВА АНТИЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920-1921 ГГ. ©

Изучение стратегий противодействия верующих антицерковной и антирелигиозной политике советской власти и форм выживания церковных структур в создавшихся условиях является одним из интересных и новых направлений истории государственно-церковных отношений. Эта тема имеет свою историографию. Главным образом, она рассматривается на региональном материале, что позволяет изучить проблему во всем её многообразии, выявить весь спектр форм сопротивления, которые на местах были детерминированы особенностями социально-политической ситуации.

Пожалуй, любое исследование, так или иначе затрагивающее антирелигиозную политику советской власти, неизбежно касается и ответной реакции верующих. В основном, протест верующих описан как стихийное явление, как немедленный ответ на конкретные провокационные действия, например, это могли быть столкновения при закрытии храмов и изъятии церковных ценностей, открытое возмущение антирелигиозными массовыми мероприятиями комсомола – пародийными процессиями и т.д. [11; 16]. Для большинства авторов тема сопротивления не является основной. Она ставится в рамках более общей проблематики, по-разному понимается и её содержание. Так, например, одни авторы изображают протест верующих преимущественно как акции гражданского неповиновения, неподчинения законодательным актам, обращается внимание на организованные формы: новые союзы, братства, крестные ходы, собрания и т.д. [9; 17]. Другими исследователями сопротивление показано как поиск способов сохранения сфер церковной жизни, оказавшихся за чертой легальности, например, как деятельность полулегальных и подпольных структур [2; 12]. Наконец, отдельные авторы исследование форм сопротивления сделали основной темой своих работ [3; 14, с. 3-12], но в принципе это не изменило устоявшихся представлений. В единичных случаях исследователи стремились представить развёрнутую классификацию направлений и форм сопротивления, выявить его основные причины, формы, движущие силы [3]. Заметим, что на материалах Донского региона эта проблема как самостоятельная не ставилась.

Окончательное установление советской власти в регионах позволило ей начать полномасштабное проведение антицерковных акций. Взгляды советской власти на существование религии и Церкви в стране были уже ясны: ликвидировать, как устаревший институт отжившей монархии. Так подчинение Церкви задачам государства после реформы Петра Великого сыграло над нею злую шутку. Идеологическая несовместимость образа верующего с образом советского человека, конструируемого властью, не давала места религии и Церкви в советском обществе. Тем не менее, всё ещё не сложилась система ликвидации Церкви. Ещё большая неопределённость наблюдалась на местах, где самостоятельность местных органов имела самые разные формы. Нельзя утверждать, что повсеместно и сразу возникла конфронтация между властью и верующими. Православные верующие искали способы сохранения церковной жизни, надёжные формы сопротивления антирелигиозному наступлению советского государства. Как приспособлялись верующие к новым условиям? Возможен ли был диалог с властью? Что привело к решительному антагонизму? Постараемся ответить на эти вопросы.

Первая волна сопротивления периода гражданской войны имела смысл массовых акций гражданского неповиновения государственной власти, публичного осуждения её действий, стихийных народных волнений [9, с. 31, 129-132; 15, с. 37-38]. Характер публичного выражения несогласия имела оценка Поместным Собором, епархиальными и приходскими собраниями как враждебного Церкви опубликованного 23 января (5 февраля) 1918 г. декрета СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (в практику он вошёл как «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви»; далее – Декрет). Устраивались крестные ходы, которые приобрели в это время смысл публичной демонстрации религиозных убеждений. Создавались союзы и братства для активной защиты церковного имущества и учреждений. Однако политика «военного коммунизма» быстро убедила верующих в недостаточной эффективности этих средств и необходимости других.

На Дону советская власть утвердилась сравнительно поздно, в январе 1920 г. Обстановка была непростой в связи с антибольшевистским повстанческим движением казаков и крестьян. По плану Донской комиссии по отделению церкви от государства (далее – Комиссии) организация работы по округам Донской области намечалась лишь на 1921 год с оговоркой, что «начало этой работы возможно будет определить в связи с выяснением положения дел и настроения широких масс казачества на местах» [7, д. 49, л. 1]. Осторожная «религиозная» политика донских властей позволила православному духовенству действовать в интересах Церкви. Интеллектуальный уровень и взгляды ростовского духовенства обусловили выбор формы. Ведущая роль принадлежала настоятелю Ростовского Кафедрального собора Павлу Верховскому, который как бывший профессор права Варшавского университета, эвакуированного в 1915 г. в Ростов-на-Дону, мог грамотно организовать дело [7, д. 754, л. 25, 26; 13]. Для него ответы на вопросы, связанные с дальнейшим существованием церковной организации, лежали в легальной, правовой плоскости, и в 1920-1921 гг. он попытался организовать церковную жизнь, используя ресурсы советского законодательства, наладить диалог с представителями местной власти.

Личность Павла Владимировича Верховского известна историкам. Его взгляды относительно реформы государственно-церковных отношений оказали влияние на участников Предсоборного совета и Поместного Собора 1917-1918 гг. [10, с. 88-97]. Он являлся автором законопроекта, принятого 2 декабря 1917 г. на Соборе с небольшими изменениями как «Определении Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви». П. В. Верховский являлся сторонником, по сути, кооперационной модели государственно-церковных отношений, сотрудничества Церкви и государства при их взаимной независимости. В Ростове, в новых условиях Верховский стремился сохранить эти принципы – принципы диалога и точного соблюдения правовых норм. Он пользовался авторитетом у представителей местного советского аппарата. Знакомые с П. В. Верховским по университету сотрудники отдела юстиции обратились к нему за помощью в деле установления новых порядков и «уяснения точного смысла декрета». Их интересовали вопросы: как поступать в затруднительных случаях, как вести диалог с населением? Вместе с тем было необходимо научить церковные советы технике составления новых документов. Подобные вопросы и помогал решить священник. Как это ни странно, он стал автором как циркуляра ростовского епископа, так и «Обязательного постановления Донисполкома», разъясняющих декрет [1, д. П-59205, т. 8, л. 172 - 172 об.]. Причём, он стремился дать такое толкование декрету, которое было бы наименее болезненным для церковной организации. Поддерживали тактику П. В. Верховского председатель Епархиального совета протоиерей Василий Чернявский и благочинный церквей Ростова и Нахичевани-на-Дону протоиерей Константин Молчанов.

В конфликтных ситуациях все они грамотно апеллировали к власти, подчёркивая свою заботу о сохранении принципов справедливости и законности.

20 июля 1920 г. председатель Донского Епархиального совета протоиерей В. Чернявский отправил жалобу в Донской исполком на то, что местные окружные и районные комитеты «устанавливают самую разнообразную практику в своих отношениях к церкви и церковным вопросам». Он указал случаи вопиющего произвола и выразил надежду, что «по всей территории Донской епархии будет установлен однообразный порядок, как содействующий успокоению населения». В ответ на жалобу Донисполком всем своим отделам и окружным исполкомам дал указание строго соблюдать законность и не принимать самочинных мер [6, д. 229, л. 11].

Следующим шагом церковных общин стал протест против реквизиции и уплотнения церковных помещений. 12 ноября 1920 г. Донской Епархиальный совет под председательством В. Чернявского просил Донскую Комиссию освободить помещения в Новочеркасске, реквизицию которых начал комиссариат Черкасского Военного округа. Совет обосновывал свою просьбу таким образом: «Исполнение этого решения (о реквизиции – Ю. Б.) угрожает расстроить церковно-религиозную жизнь области, свободное течение которой обеспечивается Советской властью, отменившей стеснения царского режима и предоставившей церковным учреждениям и верующему населению развивать свою деятельность без всякого гнёта со стороны советской власти» [7, д. 52, л. 10]. Протоиерей П. Верховский просил освободить помещения в ограде Ростовского Кафедрального собора. Последовал также ряд заявлений от причтов церквей Ростова и округа с просьбой освободить от реквизиции и уплотнения, занимаемые ими причтовые дома. Протоиерей В. Чернявский по проблеме церковного имущества довольно витиевато писал в исполком: «Православное население относится к таким фактам с особенною нервностью и даже рассматривает их как акты нарушения декрета об отделении церкви от государства. В интересах установления правильных и нормальных отношений его к Советской власти, Епархиальный совет просил бы Донской областной исполнительный комитет, не найдёт ли он возможным предложить окружным и другим местным исполкомам, чтобы они в настоящий организационный период жизни, когда население ещё не привыкло к новому укладу и склонно объяснять действия власти по-своему, воздержались от выселения членов причта из занимаемых ими помещений» [Там же, л. 61]. Иногда верующие подкрепляли свои заявления ссылками на советское законодательство и печать. Прихожане церковью Вознесенской села Круглое и Покровской села Покровское писали: «Комиссариатом юстиции было разъяснено, что эти дома (причтовые дома – Ю. Б.) могут оставаться в пользовании храма и причтов по-прежнему (см. журнал «Церковь и революция» № 2 с. 41)» [Там же, л. 47 об., 63 об.].

Во всех случаях ответ Комиссии был одинаков. Она признала, что в соответствии с однажды принятым принципиальным решением помещения причта не подлежат ни реквизиции, ни уплотнению. Председатель Комиссии А. Карагичев распорядился организациям освободить незаконно занятые дома, в том числе окружным исполкомам, детскому приюту и пр.

Очередной акцией сопротивления верующих стал протест против начавшихся попыток ЧК установить контроль над деятельностью церковных общин Ростова. В мае 1921 г. в отдел юстиции и Комиссию по отделению церкви от государства поступили жалобы от приходского совета Кафедрального собора и ряда приходов о том, что ЧК требовала регулярно представлять «приходно-расходные и инвентарные книги» всех церквей и сообщать о времени и повестке приходских собраний [Там же, д. 54, л. 4-6]. Жалобы представляли собой выписки из протоколов приходских собраний с подробным анализом правомерности распоряжений ЧК. Во-первых, там указывалось, что VIII отдел Народного комиссариата юстиции поручил исполнение Декрета губернским отделам юстиции, а Донисполком подчинил все церковные и религиозные общества специальной комиссии, что не предполагало участия ЧК. Во-вторых, «Обязательное постановление Донисполкома» на основании Декрета объявляло все церковные и религиозные общества организациями частного характера, поэтому они считали себя в праве самостоятельно устанавливать своё устройство и управление без вмешательства извне. Кроме того, было замечено, что участие в собраниях приходских советов лиц, не принадлежащих его составу, противоречит Декрету, а циркуляр Наркомюста (3 января 1919 г.) объявил незаконной практику представителей власти на местах запрещать собрания верующих. Наконец, верующие цитировали журнал «Церковь и революция»: «...вся наша политика в церковных вопросах предполагает отсутствие в практическом проведении бесполезного и произвольного стеснения жителей в отправлении ими обычных традиционно установившихся ещё не изжитых религиозных нужд». Подводя итог, каждый приходской совет писал, что он всё же готов исполнить предложения ДонЧК, но находится в недоумении: «...какому же, собственно, учреждению и на основании каких узаконений он является подчинённым в отношении ведения приходских дел и почему, собственно, от него требуется именно в Дончека приходно-расходные книги и инвентарная опись, уже представленная в своё время в обл(астной) отдел юстиции?» Верующие поставили перед областным отделом юстиции вопрос о том, насколько распоряжения ЧК соответствуют декрету [Там же, л. 5 об.].

Получив эти документы, заведующий Донским отделом юстиции Мерэн и заведующий Комиссией по отделению церкви от государства Карагичев незамедлительно опротестовали решения ЧК в её коллегии: «Отдел юстиции считает, что упомянутое отношение Дончека должно считаться действием, не согласующимся с декретом Советского Правительства и постановлениями местной власти... Контроль хозяйственной жизни религиозных общин Донобласти... может быть производим агентами Дончека лишь в порядке контрреволюционного или уголовного преследования, чего в данном случае... нет» [Там же, л. 1].

Конфликт с ЧК нарастал. Другой эпизод протеста был связан с организацией духовного образования в Ростове-на-Дону. В июне 1921 г. протоиерей Павел Верховский в порядке уведомления сообщил в Исполком, что при Ростовском Кафедральном соборе открыты курсы псаломщиков, что сделано на основании

ст. 33 инструкции к Декрету. Кроме того, по просьбе прихожан началась организация преподавания христианского вероучения, в том числе и детям. «Приходской Совет Кафедрального Собора, – писал Верховский, – сим доводит до Вашего сведения, что... он приступил к организации преподавания христианского вероучения всем желающим верующим своего прихода» [Там же, л. 205]. Самостоятельную организацию духовного образования без разрешения «сверху» Верховский обосновывал существующими в стране прецедентами, в том числе в Петрограде и Москве, где, как он писал, «никаких ограничений и препятствий к преподаванию детям Закона Божия властями не делается» и не требуется особого разрешения. Нерешительность других приходов Верховский объяснял «только обострённой бдительностью, котор(ая) почему-то проявляется в последнее время к приходской жизни со стороны Д.Ч.К.» [Там же, л. 206-207].

Действия Верховского соответствовали букве закона. Декрет 24 декабря 1917 г. отдавал в ведение Наркомпроса только духовные учебные заведения, а декрет «О свободе совести» допускал религиозное обучение в частном порядке. Принятое 28 августа 1920 г. «Обязательное постановление Донисполкома» в ст. 13 предоставляло религиозным обществам «право организации с ведома Донского областного Отдела Народного образования, преподавания исповедуемого ими вероучения», даже здания духовно-учебных заведений, а также церковно-приходских школ могли передаваться для специальных учебных заведений всех вероисповеданий [б, д. 487, л. 247-248]. Таким образом, у православной Церкви сохранялось юридическое право на организацию религиозного образования в Донской области, которым она и воспользовалась.

Однако деятельность Верховского вызывала негативную реакцию органов ЧК, конфликт с которыми не мог пройти бесследно. К тому же действия Донской Комиссии не совпадали с политикой центральных органов власти, начавших бескомпромиссное наступление на религию и Церковь. Донская Комиссия по отделению церкви от государства была подвергнута жёсткой критике за целый ряд ошибок, особенно за сотрудничество с духовенством, и в январе 1921 г. она была упразднена. 12 июля 1921 г. протоиерея П. Верховского арестовали.

Об аресте Верховского вспоминал С. М. Будённый. Он писал, что Верховского обвинили в принадлежности к «контрреволюционной организации князя Ухтомского», так называемой «Второй повстанческой волны юга России», «заговорщики были разоблачены и понесли суровое наказание» [5]. В настоящее время исследователями установлено, что эта организация, известная также как «Армия спасения России», была создана ДонЧК и находилась под её негласным контролем [4, с. 207-242.]. По мнению С. М. Будённого, П. Верховский был «ярким представителем контрреволюционного духовенства, красноречивым проповедником, пользовавшимся популярностью в религиозных кругах» [5]. Из материалов следственного дела известно, что его обвинили в материальном обеспечении организации, в том, что в столовой для причта при соборе кормилось тридцать белых офицеров, часть тарелочного сбора предназначалась «контрреволюционным элементам» и была отпущена парча для знамени организации. Как контрреволюционное действие квалифицировали также материальную помощь (оказанную на самом деле продуктами) епископу Филиппу и 13-ти священнослужителям, этапированным из Екатеринодара и заключённым в ростовской тюрьме [1, д. П-59205, т. 8, л. 267]. Верховский отрицал абсурдные обвинения. Находясь в тюрьме, П. Верховский подробно писал о себе следователю, стараясь объяснить, что он не может быть контрреволюционером, так как это не соответствует его взглядам. Писал, что он человек аполитичный, не противник отделения Церкви от государства, напоминал следствию, как сотрудничал с властью в реализации Декрета на Дону [1, д. П-59205, т. 8, л. 172-177, 182 – 183 об.]. Несмотря на то что он был приговорён к расстрелу, Президиум ВЦИК освободил Верховского, заменив прежний приговор принудительными работами. Это произошло в Москве, где его содержали в Бутырской, а затем в Таганской тюрьме. Получив свободу, он поступил на службу в Центральный институт труда ВЦСПС, стал техническим редактором его изданий [1, д. П-59205, т. 8, л. 268, 289; 13].

Таким образом, в 1920-1921 годах в Ростове-на-Дону духовенство стремилось сохранить легальную жизнь Церкви, отстаивать интересы церковных институтов и верующих, используя для этого формы, не противоречащие советскому законодательству и не выходящие за рамки легальности. Представители Церкви обращали внимание власти на необходимость соблюдать законодательно провозглашённые права верующих, стремились наладить диалог и достичь компромисса даже по ряду болезненных вопросов, связанных с секуляризацией. Духовенство, вместе с тем, использовало противоречия внутри властных структур: между органами юстиции и карательно-репрессивными органами, борющимися за свои интересы. Успешность подобной тактики обуславливалась местными особенностями: лояльной позицией Донской Комиссии по отделению церкви от государства, взглядами духовенства, социальными связями между представителями обоих лагерей. Правовая форма сопротивления воспринималась духовенством и верующими Ростова-на-Дону как наиболее предпочтительная и эффективная. Такая тактика в определённой мере позволяла бороться против неправомочных действий органов местной власти, за сохранение приходских помещений и духовного образования в первые два года советской власти на Дону. Однако политическое руководство страны не допускало никаких компромиссов. Оно перешло к политике разведения верующих и властных структур на местах по разные стороны баррикад. Особенно ясно это показал 1922 г. и кампания по изъятию церковных ценностей.

Список литературы

1. **Архив Управления ФСБ по Ростовской области.**
2. **Беглов А.** В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви; «Арефа», 2008.
3. **Бойко О. В.** Противодействие православной церкви и общественности антирелигиозному наступлению государства в 20-30-е гг. XX в. (на материалах Юга Украины): дисс. ... к.и.н. Днепропетровск, 2007.

4. **Боранова Г. Н.** Азов и Приазовье между двумя мировыми войнами (1917-1940 гг.). Азов, 2005.
5. **Будённый С. М.** Пройденный путь. М.: Воениздат, 1973. Кн. 3. [Электронный ресурс] // Революция и Гражданская война. URL: http://www.rusrevolution.info/books/index.shtml?7_3_09 (дата обращения: 15.10.2010).
6. **Государственный архив Ростовской области** (ГАРО). Ф. Р-97. Оп. 1.
7. **Там же.** Оп. 4.
8. **Там же.** Ф. 527 (Императорский Варшавский университет (Донской университет)). Оп. 3.
9. **Кашеваров А. Н.** Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922) // Материалы по истории Церкви. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. Кн. 35.
10. **Ковырзин К. В.** Поместный собор 1917-1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4.
11. **Кривова Н. А.** Власть и Церковь в 1922-1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. 321 с.
12. **Макаров Ю. Н.** Советская государственная церковная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР (окт. 1917-го – конец 1930-х годов): дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2007.
13. **Римский С. В.** Верховский [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/158208.html> (дата обращения: 01.10.2010).
14. **Рожков А. Ю.** Народное сопротивление антирелигиозной политике Советской власти на юго-востоке в 1918-1929 гг. // Голос минувшего. 1997. № 2.
15. **Русская православная церковь и коммунистическая государство. 1917-1941:** документы и фотоматериалы. М., 1996.
16. **Слезин А. А.** Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи в начале 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 92-98.
17. **Шкаровский М. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010. 480 с.

LEGAL FORMS OF ROSTOV CLERGY RESISTANCE TO ANTI-CHURCH POLICY OF SOVIET RULE IN 1920-1921

Yuliya Aleksandrovna Biryukova
Department of Native History
Pedagogical Institute of South Federal University
ylia-biryukova@yandex.ru

The author researches the theme of orthodox believers' resistance to the anti-church policy of soviet rule and shows resistance forms within the limits of legal sphere without open conflict i.e. through appellation to soviet legislation, through the demand to strictly observe believers' rights declared by it and the dialogue with local authorities by the example of Don region of 1920-1921.

Key words and phrases: Russian Orthodox Church; resistance forms; protest; legal resistance; soviet anti-church policy; clergy; dialogue with authority; state-church relations; P. V. Verkhovskii.

УДК 347.73

В статье автор выделяет и исследует два принципа, которые определяют направление развития бюджетных отношений в нашей стране на ближайшие годы. Это принцип фантомного бюджетного федерализма и программно-целевой принцип функционирования бюджетной системы. Не провозглашая их принципами построения бюджетной системы России, автор считает их принципами функционирования современной бюджетной системы и подвергает их критическому анализу.

Ключевые слова и фразы: принцип фантомного бюджетного федерализма; программно-целевой принцип функционирования бюджетной системы; целевые программы развития.

Екатерина Александровна Бочкарева, к.ю.н., доцент
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия
finansyst@mail.ru

ВЕКТОРНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[©]

Во всем массиве принципов построения и функционирования бюджетной системы Российской Федерации как законодательно закрепленных в ст. 28-38.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, так и доктринальных, сложно выделить какой-то один основополагающий принцип («главный среди главных»), указав на второстепенный характер всех иных принципов. Это невозможно хотя бы в силу того, что принципы – это и есть основополагающие начала и идеи. Кроме того, каждый из принципов бюджетного права неоднороден по своей структуре, состоит из взаимосвязанных и взаимообусловленных юридических императивов.